

Каутский Карл

**Общественные инстинкты в
мире животных и у людей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
Общественные инстинкты в мире животных и у людей / Каутский Карл – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 90 с.

ISBN 978-5-519-88678-9

ISBN 978-5-519-88678-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

„Большинство людей признает, что человек есть животное общественное“... Но что значит определение: „общественные животные“? Как возникла у них общественность? Какие свойства обуславливают ее? Все эти вопросы величайшей важности: они имеют решающее значение для психологии, социологии, может-быть, даже и для этики.

Повидимому, ответить на первый из этих вопросов очень легко: общественными животными называются те, которые живут обществами. Но эта лишь простая игра слов; она, конечно, нам ровно ничего не разъясняет. Ведь не найдется ни одного животного, которое бы, по крайней мере, временно, не жило в обществе себе подобных. Самыми неуживчивыми из всех животных считаются пауки—отсюда и немецкое слово: *spinnenfeind* (неуживчивый, непримиримый), — но и у этих „исчадий тьмы“, как называет их Брэм, всеильная любовь побеждает упорное отвращение, которое они питают к обществу, и во время спариванья можно видеть, как самец и самка играют друг с другом по целым часам; конечно, самец, как меньший по размерам, соблюдает при этом надлежащую осторожность, чтобы „дама сердца“, которая всегда может оказаться Мессалиной, как-нибудь ненароком не растерзала его. С другой стороны, молодые пауки одного и того же выводка остаются вместе около

восьми дней от выхода из яиц до первой перемены кожи. Тем не менее, мы не станем утверждать, что пауки—общественные животные. Прямую противоположность паукам представляют те кораллы, которые живут вместе на общих стволах. У них между отдельными индивидами существует не только духовная—насколько вообще можно говорить о каком бы то ни было духе у кораллов,—но и органическая связь. „Каждый из них, —говорит Брэм в своей „Жизни животных“:—сообщается со своими соседями; каждый, хотя он, конечно, заботится прежде всего и больше всего о себе, уделяет также посредством целой сети сосудов, идущих от полипа к полипу, часть от своих избытков и своим товарищам по стволу. Таким образом, члены сложного ствола живут в полном коммунизме. Сообщение между отдельными индивидами поддерживается посредством особой, органической, т.-е. принимающей участие в обмене вещества, массы, остается ли эта масса мягкой или затвердевает вследствие отложения извести. В эту промежуточную массу проходят пищеводные каналы от соседних индивидов: эти-то жилки и обеспечивают за всем сложным полипняком до известной степени общий рост. Целая группа индивидов превращается здесь в один физиологический индивид. Пища, поглощаемая каждым полипом, да и сам полип, идут на пользу всего общества; излишек же работы каждого индивида употребляется на выработку общественных сооружений. К этим последним относятся ветви и стволы: те части полипняка, в которых нет ни одного полипа, рост и увеличение размеров которых были бы нам совершенно непонятны, если бы мы не видели пищеводных каналов, проходящих по ним“. Мы сде-

ляли бы большую ошибку, если бы мы такой полипняк стали называть обществом. Но если мы прилагаем к нему это название,—мы должны называть обществом также и каждого червяка, потому что каждый из них состоит из многих частей, которые все могут вести отдельную и совершенно самостоятельную жизнь и поэтому могут быть рассматриваемы, как индивиды.

Эспинас так действительно и сделал в своей книге о „социальной жизни животных“. Он различает два рода обществ: общества, служащие для добывания пищи, и общества, служащие для продолжения рода. К первым он причисляет различных инфузорий, полипов, моллюсков и червей. Но, приняв эту терминологию, мы — если мы хотим оставаться последовательными — должны называть обществом также и каждую беременную самку млекопитающих животных, потому что органическая связь между отдельными индивидами у полипов или у червей оказывается такой же, как и органическая связь между матерью и плодом, который она носит. Сходство здесь еще более увеличивается от того, что у некоторых глистов, как, напр., у ленточного глиста, отдельные части действительно стоят на различных ступенях развития. „Члены“ ленточного глиста являются только потомством его „головы“. Отдельные индивиды кораллового полипняка являются также только потомками одного коралла, с которым они и не теряют своей связи. Ко второму роду обществ Эспинас причисляет брак. Мы считаем это также неудачным, как и признание обществами червей и т. п. Если мы действительно хотим прийти к каким-нибудь результатам в наших исследованиях относительно обществ животных,—

к результатам, которые не были бы одной лишь игрой слов, мы должны также и с данным словом постоянно соединять одно и то же понятие, а не называть самые различные понятия одним и тем же словом. Но между такими конгломератами, как группа существ, неразрывно связанных друг с другом, или брак и всякими иными соединениями индивидов одного и того же рода, есть существенное различие. Первые основываются на физиологической связи, вторые — на связи психологической; первые вызывают физиологические изменения в строении соответствующих индивидов, вторые таких изменений не вызывают. Первые являются результатами особых условий, подчиняются особым законам, приводят к особым результатам: эти условия, законы и результаты не имеют никакого отношения ко всем иным соединениям индивидов, и, обозначая эти две совершенно различные категории одним и тем же названием, мы можем вызвать только путаницу понятий.

Поэтому мы будем называть обществами лишь такие соединения органически самостоятельных индивидов, которые не вызывают у них никаких физиологических изменений в строении тела. К общественным же животным мы будем причислять только таких животных, которые образуют общества более или менее прочные, существующие более или менее продолжительное время. Если бы мы не сделали этих ограничений, мы, в конце концов, пришли бы к тому, что должны были бы всякое животное считать общественным, хотя на самом деле общественные и необщественные животные очень резко отличаются друг от друга. Этим мы вовсе не говорим, будто мы можем прямо сказать

о каждом животном, общественное ли оно, или нет. Всякие схемы существуют только в нашем воображении, как вспомогательные средства нашей памяти. Природа не знает никаких резких разграничений: повсюду мы находим в ней массу промежуточных звеньев и незаметных переходов. Так и между решительно общественными и решительно необщественными животными мы находим целый ряд промежуточных звеньев, которые систематика могут привести в отчаяние; для сторонника же теории развития в высшей степени отраднo видеть эти переходы, так как они об'ясняют ему возникновение социальных привычек. Конечно, об'яснить возникновение этих привычек—дело далеко не легкое. Величайший и добросовестнейший из всех новейших естествоиспытателей, Дарвин, и тот обнаруживает нерешительное колебание, лишь только он вступает в область социальных инстинктов. „Часто принимают,—говорит он:—что животные сразу стали общественными, и что вследствие этого они чувствовали себя нехорошо, если их разлучали, и хорошо тогда, когда они были вместе. Но гораздо правдоподобнее тот взгляд, что эти чувства должны были развиться раньше для того, чтобы те животные, которым жизнь в обществе была полезной, стали жить вместе, подобно тому, как чувство голода и удовольствие, доставляемое едой, появились, без сомнения, раньше, чем животные стали есть“. Как первый из этих взглядов, так и второй, кажутся нам одинаково бесплодными, потому что оба они, в конце концов, сводятся к вопросу: что раньше появилось: курица или яйцо? Действительно, что раньше существовало: голод или привычка есть? По нашему, это—безусловно праздный вопрос. Во всяком слу-

чае, принятие пищи было первоначально совершенно произвольным процессом, как у растений: оно состояло в простом всасывании питательных веществ, находившихся в окружающей организм среде. С этим, конечно, могло уже быть связано некоторое чувство удовольствия или неудовольствия, смотря по тому, — было ли в данном месте достаточно необходимых веществ, или нет. С развитием сознательности, по мере того, как принятие пищи становится произвольным актом, неприятное чувство, испытываемое организмом вследствие недостаточного питания, все определеннее и определеннее будет выступать, как желание есть, как чувство голода. Процесс еды и удовольствие, доставляемое им, во всяком случае развивались одновременно, а не появились у животного сразу в совершенно законченной форме. Столь же праздным кажется нам и спор о том, что появилось раньше: общество или удовольствие, доставляемое им? Ни одно из них совершенно немыслимо без другого: они взаимно обуславливают друг друга. И уж, конечно, оба они развивались одновременно и взаимно содействовали своему развитию.

Мы должны оставить эти старые и слишком уж удобные попытки об'яснить происхождение общества. Нам нечего спрашивать, что возникло раньше: общество или стремление к нему? Нам нужно выяснить причины, вызвавшие появление как того, так и другого. Нам нужно прежде всего исследовать обстоятельства, сводившие животных вместе, и затем причины, вследствие которых собиравшиеся вместе животные стали находить в обществе удовольствие.

Первой и ближайшей причиной совместного пребывания животных является общность того места,

где они одновременно впервые увидели Божий свет. Почти все животные, даже самые неуживчивые, первое время своей молодости мирно живут вместе со своими братьями и сестрами одного с ними возраста. Вспомним приведенный нами выше пример пауков. Общительность молодых существ поразительнее всего у рыб. Здесь каждая самка кладет все свои яйца вместе; из них на том же самом месте выходят молодые рыбы и все остаются в первое время неразлучными, образуя иногда стаи в несколько тысяч индивидов. Другой причиной вследствие которой животные сходятся вместе, являются переселения, вызываются ли эти переселения инстинктом продолжения рода, недостатком ли пищи, или, наконец, переменой времен года, Здесь все индивиды стремятся к одной и той же цели, выступают в путь в одно и то же время, и идут одними и теми же дорогами, в чем нет решительно ничего удивительного, так как у всех действуют одни и те же причины, — и вполне естественно, что во время этих передвижений сходится вместе громадная масса индивидов, совершенно не нуждаясь в том, чтобы их свело какое-то таинственное влечение к обществу. Так, напр., краббы-странники в Вест-Индии с февраля по апрель переселяются огромными толпами из внутренних частей страны к морю для метания икры. При громадной численности их, при одинаковости их целей и времени переселения они не могут двигаться иначе, как обществами. Инстинкт продолжения рода приводит также лосось в одно и то же время в одни и те же места, когда она для метания икры направляется из моря в реки. Естественно, что здесь она должна сходиться большими массами. Совер-

шенно иного рода переселения, вызываемые голодом. Такие переселения бывают, например, у леммингов и антилоп довольно часто, именно, в бездождные годы. Однако, мы думаем, что эти передвижения скорее похожи на беспорядочное бегство от голода, куда глаза глядят, чем на правильные переселения с определенной целью. Животные, обитающие в какой-нибудь местности, пораженной голодом, направляются в более счастливые страны, опустошают их и вынуждают обитателей этих стран переселяться вместе с собой из опустошенной территории в смежные, более плодородные местности. И мало-по-малу стада их возрастают таким образом до невероятных размеров. В противоположность этим беспорядочным передвижениям, переселения, вызываемые переменой времен года, имеют всегда сознательную цель: общеизвестный пример таких переселений представляют наши перелетные птицы. Эти правильные путешествия, предпринимаемые ежегодно и по большей части одними и теми же индивидами, больше всех должны способствовать развитию общительности у животных. Такие переселения, как у леммингов, слишком неправильны, чтобы иметь какое-нибудь влияние на привычки этих животных. К тому же большинство индивидов, принимающих участие в них, чаще всего при этом погибает. В таких же переселениях, какие предпринимает лосось, индивиды, приходящие в соприкосновение друг с другом, слишком часто переменяются для того, чтобы эти переселения могли действовать на привычки животных в такой степени, как это бывает у перелетных птиц. Наконец,—и это нам кажется самым важным моментом—развитию общительности живот-

ных, повидимому, сильно способствует общность того места, на котором они добывают себе пищу. Известна пословица: слетаются как воронье на падаль—*wo das Aas ist sammeln sich die Geier*. И действительно, животные, питающиеся падалью, как коршуны и вороны, гиены и шакалы, гораздо общительнее большей части тех хищников, которые питаются живой добычей и поэтому нуждаются в большом просторе для своих охот, как львы и тигры, орлы и соколы. Для животных, питающихся растительными веществами, пища тоже часто служит причиной, вследствие которой они собираются большими массами в известных местах, как-то: на тучных пастбищах, на деревьях, обильно увешанных плодами, и т. д.

Но как бы ни часто повторялись эти встречи, одних их все-таки недостаточно для того, чтобы объяснить нам возникновение обществ животных. Для того, чтобы животные, собравшиеся вследствие самых разнообразных условий, и оставались вместе, чтобы они теснее примкнули друг к другу,—для этого необходимо, чтобы у них еще развилось чувство удовольствия, доставляемое обществом. Это чувство удовольствия может развиваться двумя путями: сознательно и бессознательно. Оно развивается сознательно в том случае, если животные понимают преимущества совместной жизни и вследствие этого примыкают к обществу. Но в действительности этот путь мог иметь место лишь в чрезвычайно редких случаях, потому что, с одной стороны, для этого необходимо было бы такое высокое развитие интеллекта, какое мы далеко не всегда можем встретить даже у людей; с другой стороны, выгоды, доставляемые обществом, вырабатывались, конечно,

лишь крайне медленно, так что в начале едва ли их можно было и заметить. Поэтому надо думать, что влечение к обществу развивалось, главным образом, бессознательно. Путь этого развития был таков. Между группами животных были более прочные и менее прочные. Если только общество доставляло животным какие-нибудь выгоды, то, понятно, те из животных, которые чувствовали большее влечение к обществу, могли скорее уцелеть в борьбе за существование и передать свое влечение потомству. Передаваясь по наследству в продолжение длинного ряда поколений, это влечение все более и более усиливалось, пока оно не стало, наконец, инстинктом, удовлетворение которого доставляло удовольствие, а неудовлетворение вызывало неудовольствие. Таким образом, одновременно с обществом развивалось и влечение к нему.

Если это предположение верно, то оно требует, чтобы общество было действительно полезно для животных, чтобы оно давало им новое оружие в борьбе за существование. У тех видов, для которых соединение в общества вредно, потому ли, что они затрудняют им добывание пищи, например, в тех случаях, когда нужно подкрадываться к добыче, или потому, что они могут скорее привлечь к ним внимание врагов,—это соединение, как бы часто ни повторялось оно, не может вызвать никакого тяготения к обществу; потому что именно те индивиды, у которых бы появились задатки общительности, погибали бы скорее всех остальных и поэтому имели бы меньше всего шансов передать свои задатки потомству. Так, львы очень часто встречаются друг с другом при водопоях, но из этого не выработалось у них никакой общительно-